ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ
THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

УДК 340.15 *Оригинальное эмпирическое исследование*

https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-2-9-22

Избирательная кампания по выборам в Верховный Совет СССР в 1937 г.: законодательство и практическое воплощение в Ростовской области

Л.Г. Берлявский[1, 2] ✉, **В.А. Бондарев**[1]

[1] Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
[2] Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ berlg@yandex.ru

EDN: HLWZWW

Аннотация

Введение. В конце 1936 г. была принята новая Конституция Советского Союза, для чего был созван Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд Советов – высший орган власти государства. Сменив первую Конституцию СССР 1924 г., новая «сталинская» Конституция внесла существенные коррективы в устройство советского государства и общества, затронувшие, в том числе, систему органов государственной власти. Теперь высшим органом законодательной власти в стране провозглашался двухпалатный Верховный Совет СССР, формирование которого должно было проходить путем всеобщих, равных и прямых выборов с тайным голосованием (ст. 30 Конституции 1936 г.). Хотя с формально-юридической точки зрения выборы в Верховный Совет СССР были демократическими, в действительности они полностью контролировались партийными властными структурами. Данное обстоятельство неоднократно освещалось в научной литературе, однако вплоть до настоящего времени научные работы об особенностях электоральных процедур в СССР нередко опирались на недостаточно широкую документальную базу, что создавало основу для конструирования политизированных, далеких от научной объективности гипотез или появления прямых фальсификаций политической истории 1930-х гг. В связи с этим возрастает актуальность как дальнейшего изучения электоральных процессов в СССР, так и расширения эмпирической доказательной базы соответствующих исследований, в том числе путем привлечения региональных материалов. Цель исследования – проанализировав ранее не публиковавшиеся архивные документы, выявить соотношение норм советского избирательного права в 1930-х гг. и политико-административной практики подготовки к выборам в Верховный Совет СССР в 1937 г. в Ростовской области; определить степень результативности инструментов, применявшихся сталинским режимом для управления электоральным процессом; установить, в какой мере выборы в Верховный Совет связаны с репрессивными кампаниями 1937–1938 гг.

Материалы и методы. В основе настоящей публикации лежат материалы Ростовского областного комитета ВКП(б), хранящиеся в Центре документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО) и содержащие доклады районных и городских партийных комитетов и отделов НКВД, в которых обстоятельно и без эвфемизмов (поскольку информация предназначалась для узкого круга лиц) повествуется о подготовке к выборам и тех проблемах и трудностях, с которыми сталкивалось местное руководство. Исследована периодика того времени. Методология исследования представлена общенаучными и специальными юридическими методами, в числе которых историко-правовой и формально-юридический (догматический).

Результаты исследования. Рассмотрена экономическая специфика Ростовской области и политическая ситуация, сложившаяся в регионе к концу 1930-х гг. Рассмотрены нормы Конституции СССР 1936 г., а также основные правовые акты, в которых были закреплены особенности избирательного процесса на выборах в Верховный Совет СССР в 1937 г. Обосновано авторское мнение о том, что, вопреки встречающимся в литературе мнениям, выборы в Верховный Совет СССР не представляется возможным рассматривать как причину Большого террора 1937 г.: Верховный Совет лишь формально являлся высшим органом власти в стране, а фактически Советским

Союзом управляла высокопоставленная партийная номенклатура во главе с Генеральным секретарем. Подготовка к выборам в Верховный Совет являлась не причиной, а компонентом Большого террора, поскольку осуществлялась представителями власти и сотрудниками органов госбезопасности с использованием превентивных репрессивно-карательных мер, направленных против широкого круга антисоветски настроенных лиц (священнослужителей, верующих, бывших эсеров, казаков-реэмигрантов, кулаков и т.д.). Таким образом, фильтрационные мероприятия, проведенные органами НКВД в 1937 г. в рамках подготовки к выборам в Верховный Совет, стали немаловажным элементом развернутой в то время репрессивной кампании и достигли своей цели. В день выборов – 12 декабря 1937 г. – явка повсеместно была высокой, а результаты голосования выступили формальным свидетельством того, что советский народ полностью доверяет своему правительству и поддерживает существующий в СССР политический режим.

Обсуждение и заключение. Выборы в Верховный Совет СССР, состоявшиеся в декабре 1937 г. и, с формально-юридической точки зрения, являвшиеся демократическими (всеобщими, равными, прямыми, с тайным голосованием), в действительности представляли собой результат грандиозной политической кампании, которая была инициирована сталинским режимом и проводилась под жестким контролем партийных властных структур. Для успешного осуществления данной кампании были мобилизованы не только административные ресурсы советского государства и агитационно-пропагандистский аппарат, но и огромные возможности органов госбезопасности: агитационно-пропагандистский аппарат готовил общественное мнение к желательному для коммунистической партии сценарию выборов, а органы госбезопасности сконцентрировали усилия на устранении из общества «социально чуждых», оппозиционно настроенных и неугодных сталинскому режиму лиц, дабы таковые не могли принять участие в электоральных процедурах. Репрессии позволили исключить возникновение нежелательных для компартии эксцессов в ходе выборов и не допустить масштабного протестного голосования.

Ключевые слова: избирательная кампания, выборы, Верховный Совет СССР, законодательство, Большой террор, сталинский режим, Ростовская область

Благодарности. Автор выражает благодарность рецензенту, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Берлявский Л.Г., Бондарев В.А. Избирательная кампания по выборам в Верховный Совет СССР в 1937 г.: законодательство и практическое воплощение в Ростовской области. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2025;3(2):9–22. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-2-9-22

Original Empirical Research

Election Campaign of 1937 for the Elections to the Supreme Soviet of the USSR: Legislation and Practical Implementation in the Rostov Region

Leonid G. Berlyavskiy[1, 2] ✉, Vitaliy A. Bondarev[1]

[1] Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

[2] Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ berlg@yandex.ru

Abstract

Introduction. At the end of 1936 the new Constitution of the Soviet Union was adopted by the Extraordinary VIII All-Union Congress of Soviets, the supreme organ of the state power, which was specially convened for this purpose. Having replaced the first Constitution of the USSR of 1924, the new Stalin Constitution had significantly revised the structure of the Soviet state and society affecting, among other things, the system of state government bodies. Now the bicameral Supreme Soviet of the USSR was proclaimed the supreme legislative body of the country, which was to be formed through the universal, equal and direct elections with secret ballot (Article 30 of the Constitution of 1936). Even though from the dogmatic-legal point of view, the elections to the Supreme Soviet of the USSR were democratic, in reality they were completely controlled by the party authorities. This circumstance has been many times discussed in the scientific literature, however, up until now, the scientific papers studying the features of the electoral procedures in the USSR have often relied on the insufficiently broad document database, which was the reason for creating the politicized hypotheses lacking the scientific objectivity or emergence of outright falsification of the political history of the 1930s. Therefore, the relevance of further research on the USSR electoral processes increases, as well as of expansion of the empirical evidence base underlying the respective research to include the regional materials. The aim of the research is to analyse the previously unpublished archival documents; to identify the relationship between the norms of the Soviet electoral law of the 1930s and practices of political and administrative preparation for the USSR Supreme Soviet elections of 1937 in the

Rostov Region; to determine the efficiency of the tools used by the Stalin's regime to manage the electoral process; to establish the extent the elections to the Supreme Soviet were connected to the repressive campaign of 1937–1938.

Materials and Methods. The paper is based on the materials of the Rostov Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) stored in the Centre for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region (CDNI RO). The materials included the reports of the District and Town Party Committees and NKVD (People's Commissariat for Internal Affairs) units describing in detail and without euphemisms (since the information was intended for a narrow circle of people) the preparation for the elections and the problems and difficulties faced by the local authorities. The periodicals of that time were studied. The research methodology included the general scientific and specific juridical methods, i.e. historical-legal and legalistic (dogmatic-legal).

Results. The article studies the economic conditions and political situation that had developed in the Rostov region by the end of the 1930s. It investigates the norms of the USSR Constitution of 1936 and the main legal acts, which enshrined the features of the electoral process of the 1937 elections to the Supreme Soviet of the USSR. The article substantiates the authors' opinion about inconsistency of the attitudes existing in the literature to claim the elections to the Supreme Soviet of the USSR to be the cause of the Great Purge (Great Terror) of 1937: the Supreme Soviet only formally was the supreme power body of the country, in fact the Soviet Union was governed by the high-ranking party nomenclature headed by the General Secretary. The preparation for the elections to the Supreme Soviet was not the cause, but a component of the Great Purge (Great Terror), since the preparation was carried out by the authority representatives and employees of the state security apparatus using the preventive and repressive-punitive measures across a wide range of anti-Soviet-minded persons (clergy, believers, former Socialist Revolutionaries, Cossack re-emigrants, kulaks, etc.). Thus, the filtration measures carried out by the NKVD units in 1937 in the frame of preparation for the elections to the Supreme Soviet became an important element of the repressive campaign launched at that time and they achieved the goal set forward. On the election day, December 12, 1937, the voter turnout was high everywhere, and the voting results served the formal evidence of Soviet people full trust in their government and complete support of the political regime existing in the USSR.

Discussion and Conclusion. The elections to the Supreme Soviet of the USSR, which took place on December 1937 and from a dogmatic-legal point of view were democratic (universal, equal, direct, with secret ballot), in reality were the result of a grandiose-scale campaign initiated by the Stalin's regime and carried out under the rigid control of the party authorities. For successful implementation of this campaign, not only the administrative resources of the Soviet state and the agitation and propaganda apparatus were mobilized but also the enormous capacities of the state security apparatus: the agitation and propaganda apparatus prepared the public opinion for the election scenario desirable for the Communist Party, and the state security apparatus concentrated its efforts on removing "socially alien", oppositionally-minded and undesirable to the Stalin's regime persons from the society. That made it impossible for such persons to participate in the electoral procedures. Due to repressions the unwanted for the Communist Party excesses during the elections were excluded and large-scale protest voting prevented.

Keywords: election campaign, elections, Supreme Soviet of the USSR, legislation, Great Purge (Great Terror), Stalin's regime, Rostov region

Acknowledgements. The authors are grateful to the reviewer for critical evaluation of the material and proposals on its improvement, which contributed significantly to enhancement of the article quality.

For Citation. Berlyavskiy LG, Bondarev VA. Election Campaign of 1937 for the Elections to the Supreme Soviet of the USSR: Legislation and Practical Implementation in the Rostov Region. *Legal Order and Legal Values*. 2025;3(2):9–22. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-2-9-22

Введение. В соответствии со ст. 134 Конституции 1936 г. высший орган государственной власти в стране – Верховный Совет СССР – формировался путем выборов, как и предшествовавший ему Съезд Советов. Однако если выборы делегатов на Съезд Советов являлись непрямыми, то выборы в Верховный Совет СССР (равно как и Советы всех уровней – от сельских до областных и краевых) проходили на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Ст. 135 Конституции дополняла, что в выборных процедурах могут принимать участие все граждане СССР в возрасте от 18 лет и старше, вне зависимости от их расы или национальности, пола, вероисповедания, образования, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности; к выборам не допускались только лица, в установленном порядке признанные умалишенными. Тем самым Конституция 1936 г. декларировала создание в Советском Союзе максимально демократичной избирательной системы, для которой, по словам И.В. Сталина, «не существует активных или пассивных граждан», но «все граждане активны» и «равны в своих правах» [1, с. 20].

Исследователями высказывались различные мнения о том, по какой причине и с какой целью высшим руководством СССР во главе со Сталиным в 1936 г. были инициированы такие серьезные мероприятия, как принятие новой Конституции и перестройка системы власти, включающая проведение всеобщих тайных выборов в Верховный Совет. Дискутируется и вопрос о том, в какой мере связаны выборы в Верховный Совет СССР в 1937 г. и массовые репрессии, развернутые в стране в том же году. Одной из наиболее экстравагантных является гипотеза американского историка А. Гетти, согласно которой Сталин использовал «соревновательные выборы» в Верховный Совет как метод борьбы с региональными партийными элитами – «провинциальными баронами и их кланами» [2, с. 246].

Ряд российских авторов также утверждают, что Сталин с помощью состязательных выборов в Верховный Совет пытался одолеть партийную бюрократию и даже вообще отстранить компартию от власти. Сторонники подобных теоретических конструкций считают, что местные партийные функционеры, боявшиеся утратить власть в ходе демократических выборов, буквально вынудили Сталина развернуть в СССР в 1937 г. широкомасштабный террор в отношении противников советского устройства и превратить выборы в пышное, но чисто формальное мероприятие, лишенное демократического содержания (а Сталин, которому партократы не позволили мирным путем перестроить государственный механизм на демократических началах, обрушил репрессии уже на этих самых партократов) [3, 4].

Безусловно, взаимоотношения между партийным центром и региональными партийными элитами в Советском Союзе в 1930-х гг. были сложными и неоднозначными, выстраиваясь, в том числе, и в условиях ожесточенной борьбы за власть. Вряд ли можно сомневаться в том, что декларируемые в Конституции 1936 г. демократические выборы были выгодны Сталину в контексте внутрипартийных чисток, позволяя ему играть роль заботливого «отца народов» и объективного третейского судьи, помогающего неравнодушным гражданам искоренять бюрократию и коррупцию в чиновничьей среде. В этом плане весьма показательно посвященное проекту новой Конституции выступление Сталина на VIII Всесоюзном съезде Советов в ноябре 1936 г., в котором он решительно высказался за отмену существовавших ранее законодательных ограничений на допуск к выборам в Советы «бывших людей» (священнослужителей, бывших чиновников, офицеров и пр.). Ничего опасного для советской власти в этом не было, заявил Генеральный секретарь ЦК ВКП(б), а если кое-где население и избрало бы в Советы «враждебных людей», то только в результате неудовлетворительной работы местных партийно-советских чиновников: «Это будет означать, что наша агитационная работа поставлена из рук вон плохо и мы вполне заслужили такой позор, если же наша агитационная работа будет идти по-большевистски, то народ не пропустит враждебных людей в свои верховные органы» [1, с. 43]. Подобное толкование избирательных процедур открывало широкие возможности для репрессий, которые партийный центр мог обрушить на нижестоящих функционеров, обвинив таковых либо в халатности, либо во враждебности.

Однако вышеизложенные соображения никоим образом не свидетельствуют в пользу громких заявлений, что именно региональным партийным элитам, а не руководству компартии во главе со Сталиным, принадлежала инициатива в развертывании Большого террора 1937 г. Такого рода заявления переворачивают реальность с ног на голову, на что, в частности, совершенно верно указывала И.В. Павлова в известной статье, посвященной критическому разбору гипотетических построений Ю.Н. Жукова [5, с. 19]. Инициатором репрессий выступал именно партийный центр во главе со Сталиным, о чем убедительно свидетельствует массив ныне рассекреченных материалов, в том числе документация Политбюро ЦК ВКП(б) [6–9], на это же обоснованно указывают исследователи [10]. Нижестоящие партийные функционеры играли роль участников и активных реализаторов репрессивных кампаний, но не инициаторов, хотя они могли предлагать центру (и предлагали) подвергнуть репрессиям на подведомственной им территории большее количество лиц, чем предполагалось первоначальными планами.

Да и сам Большой террор разворачивался отнюдь не только лишь в связи с проведением широкомасштабной избирательной кампании в Верховный Совет, а в соответствии со сформулированной задолго до 1937 г. – на июльском Пленуме ЦК ВКП(б) 1928 г. – сталинской доктриной «обострения классовой борьбы по мере строительства социализма». Эта доктрина позволяла сталинскому режиму с максимальным удобством обосновать репрессии против его противников и инакомыслящих и переложить ответственность за многочисленные провалы в экономической политике и низкий уровень жизни населения с властей (на самом деле допустивших все эти провалы и просчеты) на вездесущих «врагов» и «вредителей». Причем «врагами» и «вредителями» зачастую объявлялись еще недавно прославлявшиеся официальной пропагандой партийно-советские деятели, высокопоставленные военные, сотрудники и даже руководители органов госбезопасности (например, Г.Г. Ягода и Н.И. Ежов). Видный исследователь В.П. Данилов справедливо писал, что с 1927 г. репрессии в СССР (в том числе в деревне) стали «постоянным явлением»: менялись «их поводы и масштабы в зависимости от меняющейся ситуации

в стране и направленности командно-репрессивной политики» [10, с. 23], но не сам подход сталинского руководства к репрессиям как эффективному инструменту управления обществом и регулирования социально-экономических и общественно-политических процессов.

Правомерно говорить о том, что Большой террор 1937 г. был объективно обусловлен предшествовавшими ему политическими процессами в стране и представлял собой способ окончательного устранения уже побежденных и разобщенных, но все еще многочисленных представителей антисоветской и антисталинской оппозиции не только из общественно-политической жизни, но и вообще из общества. В.П. Данилов обоснованно отмечал, что в 1935–1937 гг. «основным объектом сталинских репрессий стали остатки большевизма в лице представителей «левой» и «правой» оппозиций, давно разгромленных и выведенных из политической жизни, но мешавших сталинскому режиму самим фактом своего существования и в то же время представлявших возможность переложить на них ответственность за все провалы в экономической политике и за огромные потери в сельском хозяйстве и промышленности, наконец, за кровавые репрессии против «вредителей» и «врагов народа» как из бывших «белых», так и из большевистских деятелей. К ним добавлялись представители старой интеллигенции, занятой в промышленности, земледелии, науке…» [10, с. 23].

Выборы в Верховный Совет СССР еще и потому не могут считаться основанием для развертывания Большого террора, что советская система власти, состоявшая из разноуровневых советов депутатов трудящихся и их исполкомов (сельских, районных, городских и т.д.) и возглавлявшаяся с 1936 г. Верховным Советом, реальной властью не обладала. Фактически страной управляла партийная верхушка и лично Генеральный секретарь ЦК ВКП(б), которым с конца 1920-х гг. и вплоть до своей смерти в марте 1953 г. являлся И.В. Сталин. Система советов была лишь ширмой, призванной создать у сторонних наблюдателей ошибочное впечатление, что в СССР существует народовластие. С учетом вышеизложенных обстоятельств представляются изрядно преувеличенными заявления о том, что выборы в Верховный Совет СССР «сыграли решающую роль» [2, с. 246] в появлении 30 июля 1937 г. приказа по НКВД СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». Как известно, именно этот приказ (как и постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об антисоветских элементах» от 2 июля 1937 г., в развитие которого он и был отдан) выступил юридическим основанием Большого террора.

В научной литературе неоднократно подчеркивалось, что официальная вертикаль власти в СССР не обладала реальными полномочиями. Исследователи обоснованно указывали, что выборы в Верховный Совет СССР в 1937 г. были демократическими лишь с формально-юридической точки зрения, а в действительности они полностью контролировались партийно-советскими властными структурами и сопровождались карательными акциями в отношении противников советской власти. Так, И.В. Павлова освещала подготовку к выборам в Западной Сибири, анализируя деятельность Р.И. Эйхе, возглавлявшего в 1937 г. Западно-Сибирский крайком ВКП(б). Однако в рамках данной проблематики сохраняется еще немало лакун. Кроме того, вплоть до настоящего времени научные работы об особенностях электоральных процедур в СССР нередко опираются на недостаточно широкую источниковую базу, что создает основу для конструирования политизированных, далеких от научной объективности гипотез (подобных вышеупомянутым конструкциям А. Гетти или Ю.Н. Жукова) и появления прямых фальсификаций политической истории 1930-х гг. В связи с этим возрастает актуальность как дальнейшего изучения электоральных процессов в СССР, так и расширения эмпирической доказательной базы соответствующих исследований, в том числе путем привлечения региональных материалов. Поэтому в рамках настоящей публикации мы сконцентрировали усилия на освещении подготовки к выборам в Верховный Совет СССР в Ростовской области.

Цель исследования – проанализировав ранее не публиковавшиеся архивные документы, выявить соотношение норм советского избирательного права в 1930-х гг. и политико-административной практики подготовки к выборам в Верховный Совет СССР в 1937 г. в Ростовской области; определить степень результативности инструментов, применявшихся сталинским режимом для управления электоральным процессом; установить, в какой мере выборы в Верховный Совет связаны с репрессивными кампаниями 1937–1938 гг.

Материалы и методы. Центральным элементом источниковой базы настоящей публикации послужили материалы Ростовского областного комитета ВКП(б), хранящиеся в Центре документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО). Среди документации обкома заслуживают упоминания доклады районных и городских партийных комитетов и отделов НКВД, в которых обстоятельно и без эвфемизмов (поскольку эта информация предназначалась для узкого круга работников обкома и не подлежала опубликованию в печати) повествуется о подготовке к выборам и тех проблемах и трудностях, с которыми сталкивалось местное руководство. В этих же документах содержится информация о превентивных мерах, которые применяли местные партийно-советские работники и сотрудники органов госбезопасности в отношении лиц, которые рассматривались ими как помеха и угроза выборам – кулакам, церковникам, бывшим царским чиновникам, офицерам и т.п.

Источниковая база исследования включает в себя также советскую периодику, в которой помещались официально одобренные картины подготовки к выборам в Верховный Совет СССР. Нами было проанализировано содержание ряда номеров журнала «Колхозница» за 1937 г. В журнале, издававшемся в Ростовской области и являвшемся одним из рупоров обкома компартии, публиковались как официальные материалы (в частности, Положение о выборах в Верховный Совет) и разъяснения редакции по тем или иным вопросам выборного процесса, так и корреспонденции и отклики с мест, письма читателей журнала о том, как в их населенных пунктах проходят соответствующие мероприятия. Все эти публикации полностью соответствовали официально одобренной позиции и, по существу, являлись инструментами воздействия на общественное сознание, чтобы подготовить избирателей к такому голосованию, которое было выгодно правившему в СССР политическому режиму.

Методология исследования представлена общенаучными и специальными юридическими методами, в числе которых сравнительно-исторический, историко-правовой, формально-юридический (догматический), метод контент-анализа. Так, на основе сравнительно-исторического метода было проведено сопоставление материалов прессы и архивных документов, позволившее объективно осветить процесс подготовки к выборам в Верховный Совет СССР и утверждать, что одним из методов властного регулирования электорального процесса, наряду с агитацией и пропагандой, являлись карательно-репрессивные меры. Метод контент-анализа, примененный в ходе работы с архивными документами, дает основания говорить о том, что репрессивные меры широко использовались представителями власти во время подготовки к выборам. Проанализированы концептуальные утверждения юристов и историков и синтезированы с собственным эмпирическим опытом.

Результаты исследования. Исторически Ростовская область была административным компонентом Донского региона, куда также входил Сталинградский край и, частично, территории УССР. В самостоятельную административно-территориальную единицу РСФСР Ростовская область выделилась 13 сентября 1937 г. Экономика Ростовской области носила тогда преимущественно аграрный характер, то есть основная масса местных жителей занималась сельским хозяйством и проживала в сельской местности. Несмотря на развернувшуюся в 1930-х гг. урбанизацию, даже в 1939 г. 54,5 % населения Ростовской области составляли жители села [11, с. 29]. В связи с экономической спецификой региона здесь активно проводилась коллективизация и, соответственно, насчитывалось достаточное число пострадавших от неё либо недовольных колхозами аграриев. Данное обстоятельство превращает Ростовскую область в типичный аграрный регион СССР, на примере которого четко прослеживаются общие для всей страны социально-экономические и общественно-политические тенденции и который предоставляет репрезентативные материалы исследователям политики сталинского режима. Кроме того, в Ростовской области наличествовали крупные сообщества донских казаков, чьи взаимоотношения с советской властью были весьма сложны и неоднозначны: в годы Гражданской войны подавляющее большинство донских казаков воевали против «красных»; в 1920-х гг. в казачьих станицах сохранялись оппозиционные антисоветские и антибольшевистские настроения, а лидеры и члены компартии, в свою очередь, настороженно относились к казакам. Хотя с начала 1936 г. в казачьих регионах проводилась масштабная политическая кампания «за советское казачество», нацеленная на стимулирование просоветских настроений среди казаков, все же в станицах оставались противники большевиков, что, конечно, было известно представителям власти. Все это осложняло подготовку к выборам в Верховный Совет и требовало от местных партийно-советских чиновников активной работы с электоратом.

Нельзя не согласиться с И.В. Павловой в том, что заявления о Большом терроре 1937 г. как реакции властей на приближавшиеся выборы в Верховный Совет не имеют под собой оснований. «Если исходить из понимания, что власть находилась в руках советов и их высшего органа Верховного Совета (ранее ВЦИК), то легко вообразить, что в результате выборов могла произойти смена власти. Однако такое понимание далеко от действительности … и не учитывает характера того механизма власти, который существовал тогда в СССР» [5, с. 20]. Наряду с этим мы далеки от мысли, что подготовка к выборам в Верховный Совет могла пройти вне контроля властей. Хотя Верховный Совет, как ранее ВЦИК, не обладал реальной властью, в связи с чем даже появление в его составе каких-либо оппозиционных сталинскому режиму групп не могло серьезным образом повлиять на политические процессы в СССР, допускать подобное было не в интересах Сталина и его окружения. Поэтому как партийный центр, так и местные властные структуры озаботились организацией «правильных» выборов, собирая информацию о настроениях населения, проводя соответствующую агитационную работу, арестовывая потенциальных смутьянов. На наш взгляд, эти превентивные карательные акции не являлись некоей «массированной чисткой общества» [12, с. 102], тем не менее они были распространены повсеместно и коснулись достаточно широкого круга лиц.

8 февраля 1937 г. секретарем ЦИК СССР И.А. Акуловым был подписан проект «Избирательного закона», регламентирующего порядок избрания депутатов Верховного Совета СССР. Высшее руководство и, в первую очередь, Сталин придавали большое значение первой общесоюзной выборной кампании. 26 мая 1937 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) была образована комиссия, задачей которой являлось рассмотрение проекта «Положения о выборах в Верховный Совет СССР», подготовленного ЦИК СССР во главе с заведующим отделом ЦК ВКП(б) Я.А. Яковлевым. 9 июня 1937 г. законопроект был тщательно изучен Сталиным, который внес в его текст многочисленные поправки, не имеющие принципиального характера. Ряд редакционных поправок был принят 27 июня 1937 г. по инициативе делегатов пленума ЦК ВКП(б), после чего Пленум одобрил проект «Положения о выборах в Верховный Совет СССР». 1 июля он был одобрен Президиумом ЦИК СССР, а затем текст проекта «Положения» был опубликован в центральных газетах. Наконец, 9 июля 1937 г. «Положение о выборах в Верховный Совет СССР» было утверждено постановлением, принятым четвертой сессией ЦИК СССР VII созыва [13].

В основу «Положения» была положена классическая французская мажоритарная избирательная система. Конституционная норма, по которой депутат Совета Союза выбирался от 300 000 человек населения, предполагала единственный путь организации этих выборов, а именно – индивидуальное выдвижение кандидатов в одномандатных округах. Данные округа формировались в пределах административно-территориальных единиц, составляющих СССР (вплоть до областей). Депутаты Совета Национальностей также избирались в специально созданных одномандатных округах, не всегда совпадающих территориально с округами по выборам Совета Союза. Для организации выборов создавалась система избирательных комиссий во главе с Центральной избирательной комиссией по выборам в Верховный Совет СССР. Избирательное законодательство 1937 г. стремилось максимально приблизить пункты для голосования к месту жительства избирателей. Голосование могло осуществляться только персонально и лишь в специально предназначенном для этого помещении. Не допускалась предварительная подача голосов или голосование с помощью передвижных урн. Все граждане СССР, зарегистрированные в качестве избирателей, должны были лично принять участие в выборах. Право выдвижения кандидатов было предоставлено общественным организациям и «обществам трудящихся», в частности, коммунистическим партийным организациям, профсоюзам, кооперативам, организациям молодежи, культурным обществам и другим организациям, зарегистрированным в установленном законом порядке.

Процедура тайного голосования предусматривала порядок, при котором избиратель получал для голосования несколько стандартных бюллетеней, напечатанных типографским способом [13, с. 620–622]. Победившим признавался кандидат, набравший более половины всех действительных голосов, поданных в округе. В том случае, если из числа нескольких кандидатов ни один не наберет абсолютного большинства, закон предписывал произвести «перебаллотировку» с участием двух кандидатов, получивших ранее наибольшее число голосов. Если на выборах баллотировался единственный кандидат, и он не набирал требуемого большинства голосов, следовало назначить повторные выборы. Следует добавить, что в действительности выборы являлись именно безальтернативными и по избирательному кругу проходил один кандидат (по итогам отбора кандидатов на собраниях трудовых коллективов). Тем самым, как справедливо указывают исследователи, прямые и равные выборы в Верховный Совет «фактически заменялись выборами плебисцитарного типа или референдумом по поводу доверия или недоверия одному кандидату. Избиратели должны были сказать «да» или «нет», одобрить или не одобрить в лице кандидата политику государства, а не выбрать из нескольких кандидатов своего представителя» [14, с. 22].

«Положение» было опубликовано в прессе (в частности, в №№ 8–9 журнала «Колхозница» за август–сентябрь 1937 г. [15]) и широко обсуждалось на местах. Специально для изучения «Положения», а также в рамках подготовки к выборам в Верховный Совет, в СССР повсеместно создавались соответствующие кружки и проводились разнообразные агитационные мероприятия. Так, в Ростовской области при городских и районных комитетах компартии, на предприятиях и учреждениях были созданы группы пропагандистов, агитаторов, докладчиков, «беседчиков»; особое внимание уделялось организации печатной пропаганды в газетах и журналах [16, с. 296–297]. В городах и районах области была сформирована сеть политических кружков, члены которых изучали новый Основной закон и знакомились с инновациями выборного процесса. В одном только Неклиновском районе Ростовской области в сентябре 1937 г. начали работу 122 кружка по изучению Конституции и избирательного закона, охватившие до 7 тыс. избирателей [16, с. 297]. В колхозе «12-й Октябрь» Тарасовского района Ростовской области действовали 10 таких кружков, куда были записаны все колхозницы и колхозники, за исключением старых и немощных, да и к тем на дом ходили агитаторы [17, с.12]. В целом, по области работали более 37 тыс. агитаторов и 19 868 кружков по изучению новой Конституции и «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» с охватом свыше 446 тыс. слушателей [16, с. 301].

Деятельность всех вышеупомянутых кружков, пропагандистов, докладчиков проходила в строгом соответствии с официальной позицией, согласно которой безальтернативные выборы в условиях однопартийной системы выглядели вполне органично. Безальтернативность выборов вызывала вопросы даже у просоветски настроенных граждан. Так, селькор Мария Лымарь из колхоза им. Ленина Вешенского района Ростовской области вопрошала редакцию журнала «Колхозница» в своем письме: «Разъясните мне, почему выделен от округа всего только один кандидат, кого же я буду вычеркивать в своем бюллетене?» [18, с. 13]. Агитаторы должны были объяснять отсутствие альтернатив словами многолетнего председателя ВЦИК (и будущего первого председателя Верховного Совета СССР) М.И. Калинина: «…Если у нас в ряде мест кандидаты снимают свои имена в пользу одного кандидата – это является следствием их социального родства и общности их политических целей. Десятки и сотни тысяч избирателей после обстоятельного обсуждения сошлись на одном кандидате. Это и есть признак социализма, признак того, что у трудовых масс нет и не может быть внутренних разногласий» [18, с. 13]. По поводу однопартийности сам Сталин давал разъяснения в логике классового подхода: «Партия есть часть класса, его передовая часть. Несколько партий, а значит и свобода партий может существовать лишь в таком обществе, где имеются антагонистические классы, интересы которых враждебны и непримиримы… Но в СССР уже нет таких классов… Стало быть, в СССР нет почвы для существования нескольких партий, а значит и для свободы этих партий» [1, с. 30].

Агитаторы доносили до широких масс избирателей одобренные партийно-советским руководством нарративы, согласно которым выборы в Верховный Совет СССР являлись не только праздником демократии, но и очередным этапом борьбы с недоброжелателями и противниками советской власти. Трудящиеся Советского Союза должны были принять активное участие в выборах, продемонстрировав свою сплоченность вокруг коммунистической партии и одобренных ею кандидатов: «Все мужчины и женщины от 18 лет и старше, не лишенные избирательного права, ВСЕ ДО ЕДИНОГО должны пойти на выборы» [19, с. 13]. Все избиратели должны были поддержать просоветских кандидатов и решительно противодействовать всем попыткам «враждебных элементов» проникнуть в Верховный Совет. Показательный диалог состоялся в ходе работы политического кружка колхоза им. Клары Цеткин Самарского района Ростовской области. Одна из колхозниц обеспокоенно спросила у руководителя кружка, учительницы Загорулько, является ли церковная община общественной организацией и может ли она выставлять кандидатов на голосование? Поводом для беспокойства являлось то, что местный священник Химченко, охарактеризованный колхозницами как «опасный избиратель», проявлял предвыборную активность и готовился выставить на выборы список антисоветски настроенных кандидатов. Загорулько успокоила членов кружка, разъяснив им, что церковные общины к общественным организациям не причисляются и кандидатов на выборы выставлять права не имеют [18]. Члены кружка единодушно решили, что у себя и других колхозников будут «воспитывать чувство неусыпной бдительности и непримиримости к врагам народа и партии», так что «поп Химченко в совет не пройдет» [18, с. 13].

Наряду с агитацией и пропагандой представители власти в преддверии выборов в Верховный Совет занимались проведением фильтрационных мероприятий, которые не афишировались, но являлись не менее действенными, чем воспитательная работа с населением. Речь идет об осуществлявшихся в рамках Большого террора операциях по устранению из общества неблагонадежных и оппозиционно настроенных граждан. В отношении потенциальных смутьянов применялся арест с последующим заключением в тюрьмах и лагерях либо физической ликвидацией. В терминологии сотрудников органов госбезопасности подобные меры именовались «изъятием» (массив информации о данном направлении деятельности органов НКВД и ее результатах содержится в документах Ростовского обкома ВКП(б)). В областной комитет партии поступали доклады и отчеты нижестоящего партийного руководства (районных и городских комитетов компартии) о ходе подготовки к выборам в Верховный Совет СССР. Особое внимание местные партийные функционеры уделяли как сложностям, с которыми они сталкивались при подготовке к выборам, так и методам преодоления возникших проблем. В последнем случае они транслировали областному начальству отчетную информацию сотрудников НКВД о выявлении и «изъятии» неблагонадежных и прямо враждебных советской власти лиц. Анализ порайонных сводок о реализации подготовительных мер к выборам в Верховный Совет позволяет установить, что именно представители власти в Ростовской области считали наиболее существенными сложностями в преддверии выборов, какие категории населения рассматривались в качестве наиболее неблагонадежных и опасных, и сколь широко в отношении представителей этих категорий применялись карательно-репрессивные меры.

Существенной проблемой представители власти считали священнослужителей и верующих, будь то приверженцы Русской православной церкви или сектанты. Это являлось общесоюзной тенденцией, характерной для самых разных республик, краев и областей. Уместно отметить, что, согласно Всесоюзной переписи населения, проведенной 6 января 1937 г., верующими среди граждан СССР в возрасте от 16 лет назвали себя более половины

всех опрошенных (даже несмотря на то, что некоторые участники стремились избежать ответа на этот вопрос, опасаясь репрессий). Перепись показала, что, несмотря на годы антирелигиозной пропаганды и гонений на церковь, верующими считали себя 55,3 млн человек (56,7 %), тогда как численность атеистов составила 42,2 млн чел. (43,3 %) [20, с. 191].

Причисление себя к верующим само по себе являлось вызовом атеистическому советскому государству. Для представителей власти было вполне естественным ожидать, что священнослужители и религиозные активисты попытаются осложнить выборы в Верховный Совет проведением антисоветской агитации или даже выдвижением собственных кандидатов. Такие опасения были вполне обоснованы, ведь ст. 124 Конституции 1936 г. декларировала как свободу антирелигиозной агитации, так и свободу отправления религиозных культов. Разумеется, благопожелания ст. 124 Конституции являлись пустым звуком, и на самом деле «декларации о свободе вероисповедания к жизни отношения не имели» [12, с. 97]. Однако часть священнослужителей и верующих воспринимали подобные декларации серьезно и намеревались воспользоваться возможностью заявить о своих правах и попытаться провести в органы власти своих единомышленников.

Партийно-советские чиновники и сотрудники органов госбезопасности по Ростовской области держали в поле зрения избирательные участки, где были сильны позиции священнослужителей и верующих, и фиксировали проявления антисоветской активности с их стороны. Так, в Киевском районе области отмечалось «поповское влияние» [21, с. 477], а в селе Новониколаевка Самарского района – даже «поповское засилье» [21, л. 420]. В Целинском районе, издавна известном крупными общинами сектантов, фиксировались факты агитации либо за игнорирование выборов, либо за протестное голосование [21, л. 510]. В хуторе Краснодонецком Зверевского района, по утверждениям прессы, местные церковники пытались агитировать против официально одобренного кандидата в Верховный Совет [19, с. 13]. С точки зрения представителей власти, подобные акции были совершенно неприемлемы и их следовало пресекать превентивными арестами антисоветских активистов. В рамках такой стратегии сотрудники НКВД арестовали священника в станице Мечетинской (районный центр одноименного района Ростовской области), «который вел явно контрреволюционную агитацию» [21, л. 594].

Еще одной категорией населения, вызывавшей серьезное беспокойство властей, являлись участники Гражданской войны, воевавшие против большевиков и либо оставшиеся в стране, либо эмигрировавшие и вернувшиеся домой по объявленной советским правительством амнистии. В Ростовской области значительным процентом бывших белогвардейцев отличались сообщества донских казаков. Особенно большую тревогу местных чиновников вызывали казаки-реэмигранты как последовательные противники большевиков, бежавшие из страны вместе с войсками П.Н. Врангеля. Хотя эти люди воспользовались амнистией и вернулись в СССР, в глазах сотрудников органов госбезопасности они оставались (причем, в целом ряде случаев вовсе не без оснований) оппозиционно настроенными и представлявшими опасность для большевистского режима.

В отчетах о ходе подготовки к выборам в Верховный Совет СССР, поступавших в Ростовский обком ВКП(б) от райкомов компартии, рефреном звучат фразы о наличии в тех или иных населенных пунктах бывших белогвардейцев из числа казаков, которые, по мнению местных чиновников, являются помехой выборам. Так, Вешенский райком ВКП(б) докладывал, что в районе большое количество казаков-контрреволюционеров [21, л. 467]. В частности, население хуторов Осиновского и Краснокутского (избирательный участок № 1) принимало участие в Вешенском восстании 1919 г.; большинство хуторян, по утверждениям представителей власти, либо сами активно участвовали в восстании, либо являлись родственниками повстанцев, осевших за границей [21, л. 88]. В Кашарском районе наиболее слабым избирательным участком признавался Вяженский (хутор Ольховый и слобода Вяжа), так как местные казаки были «все замешаны с белогвардейцами» [21, л. 267]. В Кагальницком районе «тяжелым участком» являлся хутор Зеленая роща, где наличествовали эмигранты и было «много белогвардейцев» [21, л. 318]. В Мартыновском районе к числу «трудных участков» местные руководители отнесли хутор Сальский Кагальник (участок № 12): «казачий хутор, все активные служаки у белых, есть в эмиграции» [21, л. 350]. В Фоминском избирательном участке Тацинского района (хутор Фоминка) население было «исключительно казачье, почти все служили у белых, очень много добровольцев»; здесь возникли проблемы даже с формированием избирательной комиссии, поскольку выяснилось, что «почти нет таких людей, которые в той или иной степени не были бы связаны с белогвардейцами, с атаманами» [21, л. 104–105]. Администрация села Синявского Неклиновского района жаловалась, что местные казаки устроили «много контрреволюционных выступлений» [21, л. 368]. Сходная ситуация фиксировалась и в ряде других районов Ростовской области [21, л.л. 215, 527, 539].

Бывшие белогвардейцы и реэмигранты, как и церковники, являлись в 1937 г. объектом повышенного внимания НКВД, о чем недвусмысленно указывается в отчетных материалах, поступавших в Ростовский обком компартии. В частности, руководство Заветинского района докладывало в областной центр, что в ряде казачьих колхозов «изъяты» контрреволюционные группировки [21, л. 429]. В станице Мечетинской, где проживало «очень

много репатриантов», к октябрю 1937 г. органы госбезопасности арестовали около 60 человек и работа в этом направлении продолжалась [21, л. 594]. Батлаевский сельсовет Калмыцкого района Ростовской области характеризовался как «отсталый» избирательный участок в связи с тем, что многие из проживавших здесь казаков-калмыков служили в Белой армии и являлись реэмигрантами; поэтому сотрудники НКВД практиковали здесь «изъятие» неблагонадежных лиц [21, л. 356].

На фоне «изъятий» неблагонадежных лиц и оппозиционеров в ходе подготовки к выборам в Верховный Совет СССР в Егорлыкском районе Ростовской области произошел весьма характерный случай. Представители местного руководства докладывали в областной центр, что здесь «тяжелым участком является сама станица Егорлыкская», в которой проживает «много беляков». 10–11 октября 1937 г. областная контора «Заготзерно» прислала в станицу на должность технического руководителя районных хлебозаготовительных учреждений своего старшего инспектора по качеству – М.М. Семенцова. Он прибыл в Егорлыкскую на замену своего предшественника, арестованного органами НКВД вместе с директором местной заготконторы (вероятно, по обвинению во вредительстве). Однако Семенцов продержался на должности 3 дня и тоже был арестован, так как вскрылось, что он был активным участником Гражданской войны и занимал высокие должности в Белой армии [21, л. 521]. Действительно, казачий есаул М.М. Семенцов во время Гражданской войны командовал полком и бригадой, занимал пост командующего тылом Донской белой армии, эмигрировал в составе войск Врангеля, но вернулся в СССР в 1920-х гг. Кто знает, быть может, Семенцов и избежал бы репрессий, но он являлся уроженцем той самой станицы Егорлыкской, куда был прислан осенью 1937 г. и где, разумеется, его хорошо знали и не замедлили арестовать. Уже в декабре 1937 г. Семенцов был расстрелян как контрреволюционер [22].

Отдельным направлением репрессивных акций в рамках подготовки к выборам в Верховный Совет СССР в 1937 г. в Ростовской области стали аресты тех местных жителей, которые были обвинены в принадлежности к контрреволюционным фашистским организациям. Объектами подобных чисток стали проживавшие в Ростовской области советские немцы (к 1941 г. в области насчитывалось около 39 тыс. немцев [23, с. 75]). Так, в немецком колхозе «Осоавиахим» Батайского района в 1937 г. несколько раз прошли аресты «фашистов» (в том числе целой «фашистской группы» в количестве 18 человек) [21, л. 63]. В Ново-Марьинском сельсовете Тарасовского района аресту подверглась «активная фашистская группа» из 12 человек [21, л. 499]; в Ленинском сельсовете Федоровского района – «фашистская организация» в составе 21 участника [21, л. 361]. Безусловно, отдельные представители немецких общин Дона критиковали недостатки советской действительности и озвучивали симпатии к режиму Адольфа Гитлера – для сотрудников органов госбезопасности этого было достаточно, чтобы перейти к «изъятию» таких оппозиционеров, вне зависимости от того, действительно ли они состояли в неких «фашистских организациях» или эти организации являлись плодом воображения следователей НКВД.

Любопытно, что в 1937 г. большевистское руководство вспомнило о своих давних политических противниках – эсерах. Представители власти Матвеево-Курганского района сообщали в областной центр, что в ходе агитационной кампании за выборы в Верховный Совет может создаться «сложное положение» на Ряженском и Кировском избирательных участках, где некогда «были эсеровские гнезда» [21, л. 374]. Если Матвеево-Курганский райком ВКП(б) не преувеличивал, остается лишь удивляться тому, насколько живучи оказались эсеровские лозунги среди крестьян, помнивших их даже спустя полтора десятка лет после исчезновения в Советской России партии социалистов-революционеров как организованной силы. В 1937 г. большевики тем более не собирались терпеть даже намеки на эсеров, так что, по сообщениям руководящих работников Матвеево-Курганского района, в проблемных сельсоветах органы НКВД «кое-что уже изъяли» [21, л. 374].

Внимание властей привлекали и экономически слабые коллективные хозяйства, численность которых в урожайном 1937 г. снизилась, но отнюдь не до нуля: члены таких колхозов вполне могли выражать недовольство своим тяжелым материальным положением и осложнить выборы в Верховный Совет. В частности, Скосырский райком ВКП(б) беспокоился за избирательный участок № 9, так как в местных колхозах выдачи на трудодни составляли всего лишь 1 кг зерна [21, л. 236], а в колхозах избирательного участка № 3 Волошинского района и того меньше – всего 0,9 кг [21, л. 571]. В таких проблемных избирательных участках усиленная агитация логично соседствовала с арестами наиболее злостных критиков советской действительности.

Наконец, партийно-советские работники и сотрудники органов госбезопасности рассматривали в качестве помехи выборам в Верховный Совет кулаков, к 1937 г. вернувшихся из ссылки в родные края. Так, руководство Морозовского района докладывало Ростовскому обкому ВКП(б), что в целом по району подготовка к выборам идет на должном уровне, а единственным «трудным участком» является станица Чертковская, которая в прошлом «была самой контрреволюционной». Во время коллективизации в станице было до 50 % раскулаченных хозяйств. Видимо, некоторая часть раскулаченных к 1937 г. уже возвратилась в станицу и служила источником беспокойства для местных властей, в связи с чем к октябрю 1937 г. здесь было арестовано около 50 человек [21, л. 232].

Областная периодика при этом радостно рапортовала о том, что «предвыборные собрания превратились в демонстрации единства, огромной политической зрелости и активности колхозников – казаков и казачек, их величайшей сплоченности вокруг партии Ленина – Сталина…» [24, с. 4]. В день выборов – 12 декабря 1937 г. – явка повсеместно была высокой, а результаты голосования вполне могли убедить сторонних наблюдателей, не знакомых с нюансами подготовительной работы, в том, что советский народ полностью доверяет своему правительству и потому единодушно проголосовал за официально одобренных кандидатов. По данным ЦИК, во всех избирательных округах по выборам в Совет Союза за кандидатов блока коммунистов и беспартийных голосовало 98,6 % от всех участвовавших в голосовании, а в Совет Национальностей от союзных республик голосовало 97,8 % избирателей [25, с. 10]. В Ростовской области в выборах приняли участие 97,2 % избирателей [26, с. 8]: депутатами в Верховный Совет СССР от области были избраны Б.А. Двинский, Е.Г. Евдокимов, П.Г. Москатов, П.И. Муравьев, М.М. Кульков, Н.А. Изотов, А.Т. Васильев, Ф.М. Скилков, С.И. Федоров, М.А. Шолохов [16, с. 301].

Обсуждение и заключение. Всесторонний анализ общественно-политического устройства СССР позволяет уверенно говорить о том, что суждения сторонников гипотезы прямой взаимосвязи между выборами в Верховный Совет и развертыванием масштабных репрессивных акций 1937–1938 гг. не только беспочвенны, но и попросту наивны. Утверждения, что Большой террор начался из-за опасений Сталина в том, будто «народная оппозиция, обретя голос [в Верховном Совете – *прим. авторов*], будет представлять достаточно серьезную опасность» [2, с. 246] для большевистского (сталинского) режима никак не связаны с реалиями государственного устройства Советского Союза, более того – они этим реалиям прямо противоречат. Исследователям советской эпохи прекрасно известно, что в СССР существовало две, если можно так выразиться, вертикали власти, одна из которых являлась фактически действующей, а вторая выполняла формальные функции. С формально-юридической точки зрения, страной управляли Советы разных уровней – сельских, городских, районных, областных, краевых, – формировавшиеся путем демократических выборов. На вершине этой властной вертикали находился, согласно Конституции 1936 г., Верховный Совет СССР, а пост председателя Президиума Верховного Совета считался высшей государственной должностью в стране и мог быть уподоблен посту президента.

Однако фактически вся полнота власти в Советском Союзе принадлежала высокопоставленной партийной номенклатуре во главе с Генеральным секретарем ЦК ВКП(б) Сталиным (при этом партийный съезд, формально считавшийся высшим органов власти в партии, также не имел никаких реальных полномочий). Сталин непосредственно управлял страной через подчиненных ему партийных функционеров, многие из которых получили свои посты с его ведома и одобрения. В сравнении с партийными комитетами, Советы были полностью бесправны и лишь выполняли распоряжения партийных функционеров. В этом смысле весьма показательно, что широкая публика хорошо осведомлена о деятельности Сталина, но практически ничего не знает о деятельности председателей Президиума Верховного Совета, поскольку все они – и М.И. Калинин (бессменно занимавший этот пост до 1946 г.), и Н.М. Шверник, и К.Е. Ворошилов, и др., – являлись не инициаторами, а исполнителями важных решений, принятых партийным руководством.

Реальная конфигурация авторитарного (тоталитарного) режима власти в стране предполагала строго иерархическую структуру: 1) Генеральный секретарь ЦК ВКП(б); 2) ядро Политбюро ЦК ВКП(б) или особая группа приближенных, получившая 14 апреля 1937 г. исключительный правовой статус Постоянной комиссии по вопросам секретного характера и внешней политики при Политбюро; 3) карательная подсистема – Главное управление государственной безопасности (ГУГБ) НКВД, спецколлегии судов, Комиссия партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б); 4) собственно ЦК ВКП(б) и Совнарком; 5) Верховный Совет СССР [27, с. 118]. Представляется, однако, что подобная конфигурация могла сложиться как раз на основе ст. 126 Конституции СССР 1936 г., которая нормативно закрепила роль ВКП(б) в качестве руководящего ядра всех общественных и государственных организаций. При этом действие главы X «Права и обязанности граждан» Конституции было реально заблокировано вплоть до 1953 г. [28].

Возвращаясь к вопросу о связи между выборами в Верховный Совет и Большим террором 1937 г., подчеркнем, что фильтрационные мероприятия, проведенные органами НКВД в рамках подготовки к выборам, стали немаловажным элементом развернутой в то время репрессивной кампании и достигли своей цели, позволив исключить нежелательные для компартии эксцессы в ходе выборов и не допустить масштабного протестного голосования. Выборы в Верховный Совет СССР, состоявшиеся в декабре 1937 г. и с формально-юридической точки зрения являвшиеся демократическими (всеобщими, равными, прямыми, с тайным голосованием), в действительности представляли собой результат грандиозной политической кампании, которая была инициирована сталинским режимом и проводилась под плотным контролем партийно-советских властных структур. Для успешного осуществления данной кампании были мобилизованы не только административные ресурсы советского государства и агитационно-пропагандистский аппарат, но и огромные возможности органов госбезопасности. Если агитационно-

пропагандистский аппарат, транслировавший властные нарративы, готовил общественное мнение к желательному для компартии сценарию выборов, то органы госбезопасности сконцентрировали усилия на устранении из общества «социально чуждых», оппозиционно настроенных и неугодных сталинскому режиму лиц, дабы таковые не могли принять участие в электоральных процедурах и не внесли в них нотки протеста. Подготовка к выборам в Верховный Совет СССР стала одним из составных компонентов репрессивных кампаний 1937 г., нацеленных на ликвидацию оппозиционно настроенных групп населения, предельную минимизацию протестных настроений, достижение единомыслия в стране и подчинение советского общества диктату сталинского режима.

Список литературы / References

1. Сталин ИВ. *О проекте Конституции Союза ССР. Доклад на Чрезвычайном VIII Съезде Советов 25 ноября 1936 г.* Москва: Партиздат ЦК ВКП(б); 1936. 47 с.

Stalin IV. *On the Draft Constitution of the USSR. Report at the Extraordinary VIII Congress of Soviets on November 25, 1936*. Moscow: Partizdat of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks); 1936. 47 p. (In Russ.)

2. Гетти А. *Практика сталинизма: Большевики, бояре и неумирающая традиция.* Пер. с англ. Л.Ю. Пантиной. Москва: РОССПЭН; 2016. 374 с.

Getty A. *The Practice of Stalinism: The Bolsheviks, the Boyars, and the Undying Tradition*. Pantina LYu. (Trans. from English). Moscow: ROSSPEN; 2016. 374 p. (In Russ.)

3. Жуков Ю.Н. Репрессии и Конституция СССР 1936 года. *Вопросы истории.* 2002;(1):3–26.

Zhukov YuN. Repressions and the Constitution of the USSR of 1936. *Voprosy Istorii (Issues of History).* 2002;(1):3–26. (In Russ.)

4. Чемшит А.А., Стаценко О.С. К вопросу о сталинских репрессиях. *Вопросы истории.* 2019;(12):105–114.

Chemshit AA, Statsenko OS. On the Issue of Stalin's Repressions. *Voprosy Istorii (Issues of History)*. 2019;(12):105–114. (In Russ.)

5. Павлова И.В. 1937: выборы как мистификация, террор как реальность. *Вопросы истории.* 2003;(10):19–37.

Pavlova IV. 1937: Elections as a Hoax, Terror as Reality. *Voprosy Istorii (Issues of History).* 2003;(10):19–37. (In Russ.)

6. *Сталинское Политбюро в 30-е годы.* Сборник документов. Москва: АИРО-ХХ; 1995. 340 с.

Stalin’s Politburo in the 1930s. Collection of Documents. Moscow: AIRO-XX; 1995. 340 p. (In Russ.)

7. Покровский Н.Н. (отв. ред.). *Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение 1930–1940 гг.* В 2-х кн. Кн. I. Москва: РОССПЭН; 2005. 912 с.

Pokrovsky NN. (Ed). *The Politburo and the Peasantry: Expulsion, Special Settlement in the 1930s–1940s*. In 2 Books. Book I. Moscow: ROSSPEN; 2005. 912 p. (In Russ.)

8. Покровский Н.Н., Данилов В.П., Красильников С.А., Виола Л. (отв. ред.). *Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение 1930–1940 гг.* В 2-х кн. Кн. 2. Москва: РОССПЭН; 2006. 1120 с.

Pokrovsky NN, Danilov VP, Krasilnikov SA, Viola L. (Eds.). *The Politburo and the Peasantry: Expulsion, Special Settlement in the 1930s–1940s.* In 2 books. Book 2. Moscow: ROSSPEN; 2006. 1120 p. (In Russ.)

9. Мозохин О.Б. (отв. ред.). *Политбюро и «вредители». Кампания по борьбе с вредительством на объектах промышленности.* В 2-х кн. Кн. 1. Москва: Родина МЕДИА; 2014. 544 с. Кн. 2. Москва: Родина МЕДИА, 2014. 542 с.

Mozokhin OB. (Ed*.). The Politburo and the “Saboteurs”. Campaign to Combat Sabotage at Industrial Facilities*. In 2 Books. Book 1. Moscow: Rodina MEDIA; 2014. 544 p. Book 2. Moscow: Rodina MEDIA; 2014. 542 p. (In Russ.)

10. Данилов В.П. Советская деревня в годы «Большого террора» (Предисловие к сборнику документов). В кн.: *Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание.* Документы и материалы в 5 т. Т. 5. Кн. 1. 1937. Москва: РОССПЭН; 2004. С. 7–50.

Danilov VP. The Soviet Village during the “Great Terror” (Preface to the Collection of Documents). In Book: *The Tragedy of the Soviet Village. Collectivization and Dispossession.* Documents and Materials in 5 Vol. Vol. 5. Book 1. 1937. Moscow: ROSSPEN; 2004. P. 7–50. (In Russ.)

11. Гозулова А.И., Шумилина П.Г. (ред.) *Ростовская область. Природа, население, хозяйство, культура.* Ростов-на-Дону: Кн. изд-во; 1961. 335 с.

Gozulov AI, Shumilin PG (Eds). *Rostov Region. Nature, Population, Economy, Culture*. Rostov-on-Don: Knizhnoe izdatelstvo; 1961. 335 p. (In Russ.)

12. Романова И.Н. *Клеймение Красного Дракона: 1937–1939 гг. в БССР.* Москва: РОССПЭН; 2021. 215 с.

Romanova IN. *Branding of the Red Dragon: 1937–1939 in the BSSR*. Moscow: ROSSPEN; 2021. 215 p. (In Russ.)

13. Веденеева Ю.А., Богодаровой Н.А. (ред.) *Очерки по истории выборов и избирательного права*. Калуга: Калужский обл. фонд возрождения историко-культурных и духовных традиций «Символ»; 2002. 692 с.

Vedeneyev YuA, Bogodarova NA (Eds). *Essays on the History of Elections snd Electoral Law.* Kaluga: Kaluga Region Foundation for the Revival of Historical, Cultural and Spiritual Traditions “Symbol”; 2002. 692 p. (In Russ.)

14. Макарцев А.А. *Развитие институтов прямой демократии в СССР в 1935–1937 гг. (На материалах сельских районов Западно-Сибирского края).* Автореф. дис. канд. юрид. наук. Новосибирск; 2006. 26 с.

Makartsev AA. *Development of Direct Democracy Institutions in the USSR in 1935–1937 (Based on Materials from Rural Areas of the West Siberian Territory).* Extended Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Novosibirsk; 2006. 26 p. (In Russ.)

15. Положение о выборах в Верховный Совет СССР. *Колхозница.* 1937;(8–9):2–9.

Regulations on Elections to the Supreme Soviet of the USSR. *Kolkhoznitsa*. 1937;(8–9):2–9. (In Russ.)

16. *Очерки истории партийных организаций Дона.* В 2-х частях. Ч. II (1921–1971). Ростов-на-Дону: Ростиздат; 1973. 764 с.

Essays on the History of Party Organizations of the Don. In 2 Parts. Part II (1921–1971). Rostov-on-Don: Rostizdat; 1973. 764 p. (In Russ.)

17. Вождю, учителю и другу колхозниц! *Колхозница.* 1937;(1):10–13.

To the Leader, Teacher and Friend of Women Collective Farmers! *Kolkhoznitsa*. 1937;(1):10–13. (In Russ.)

18. Майская. Колхозницы готовятся к выборам. *Колхозница*. 1937;(8–9):12–14.

Maiskaya. Women Collective Farmers Prepare for the Elections. *Kolkhoznitsa*. 1937;(8–9):12–14. (In Russ.)

19. Майская. Что должна знать каждая избирательница. *Колхозница*. 1937;(11):11–14.

Maiskaya. What Every Woman Voter should Know. *Kolkhoznitsa*. 1937;(11):11–14. (In Russ.)

20. Жиромская В.Б. *Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное.* Москва: РОССПЭН; 2001. 280 с.

Zhyromskaya VB. *Demographic History of Russia in the 1930s. A Look into the Unknown*. Moscow: ROSSPEN; 2001. 280 p. (In Russ.)

21. ЦДНИ РО. Ф. 9. Оп.1. Д. 12.

CDNI RO (Center for Documentation of the Modern History of the Rostov Region). F. (Library Stock) 9. Op. (Register) 1. D. (File) 12. (In Russ.)

22. *Бессмертный барак.* URL: https://bessmertnybarak.ru/books/person/849220/ (дата обращения: 04.02.2025).

The Immortal Barrack. URL: https://bessmertnybarak.ru/books/person/849220/ (accessed: 04.02.2025). (In Russ.)

23. Бугай Н.Ф. (ред.). *Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать».* Документы, факты, комментарии. Москва: Дружба народов; 1992. 288 с.

Bugai NF (Ed.). *Joseph Stalin to Lavrentiy Beria: "They Need to Be Deported."* Documents, Facts, Comments. Moscow: Druzhba narodov Publ.; 1992. 288 p. (In Russ.).

24. Достойнейшие из достойных. *Колхозница.* 1937;(11):3–6.

The Worthiest of the Worthy. *Kolkhoznitsa*. 1937;(11):3–6. (In Russ.)

25. Великая и полная победа. *Колхозница*. 1937;(12):10–11.

The Great and Complete Victory. *Kolkhoznitsa*. 1937;(12):10–11. (In Russ.)

26. Оправдать доверие избирателей. *Колхозница*.1937;(12):7–10.

Justify the Confidence of Voters. *Kolkhoznitsa*. 1937;(12):7–10. (In Russ.)

27. Кислицын С.А. *Красная фронда под секирой НКВД. Киров, Орджоникидзе, Бухарин, деятели Азово-Черноморского края в политических репрессиях второй половины 1930-х годов.* Ростов-на-Дону: Донской издательский дом; 2022. 512 с.

Kislitsyn SA. *The Red Fronde under the Axe of the NKVD. Kirov, Ordzhonikidze, Bukharin, Leaders of the Azov-Black Sea Region in the Political Repressions of the Second Half of the 1930s*. Rostov-on-Don: Donskoy Publishing House; 2022. 512 p. (In Russ.).

28. Берлявский Л.Г. Рецензия на книгу. Кислицын С.А. «Красная фронда под секирой НКВД. Киров, Орджоникидзе, Бухарин, деятели Азово-Черноморского края в политических репрессиях второй половины 1930-х годов». *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки.* 2023;1(217):98–101.

Berlyavsky LG. Review of the Book. Kislitsyn S.A. "The Red Fronde under the Axe of the NKVD. Kirov, Ordzhonikidze, Bukharin, Leaders of the Azov-Black Sea Region in the Political Repressions of the Second Half of the 1930s". *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2023;1(217):98–101. (In Russ.)

Об авторах:

Леонид Гарриевич Берлявский, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры «Гражданское право» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), профессор кафедры конституционного и муниципального права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69), ORCID, berlg@yandex.ru

Виталий Александрович Бондарев, доктор исторических наук, профессор кафедры «История и культурология» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), SPIN-code, ORCID, vitalijj-bondarev27@rambler.ru

Заявленный вклад авторов:

Л.Г. Берлявский: формирование основной концепции, методология исследования, постановка задач исследования, подготовка текста, формирование выводов.

В.А. Бондарев: обзор и анализ научных источников, доработка текста, корректировка выводов.

Конфликт интересов: **авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.**

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Leonid G. Berlyavskiy, Dr.Sci. (History), Cand.Sci. (Law), Professor of the Civil Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), Professor of the Constitutional and Municipal Law Department, Rostov State University of Economics (RSUE) (69, Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation), ORCID, berlg@yandex.ru

Vitaliy A. Bondarev, Dr.Sci. (History), Professor of the History and Cultural Studies Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), SPIN-code, ORCID, vitalijj-bondarev27@rambler.ru

Claimed Contributorship:

LG Berlyavskiy: formulating the main concept, research methodology, setting forth research objectives, preparing the text, formulating the conclusions.

VA Bondarev: review and analysis of scientific sources, refining the text, correcting the conclusions.

Conflict of Interest Statement: **the authors declare no conflict of interest.**

The authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 04.03.2025

Поступила после рецензирования / Revised 03.04.2025

Принята к публикации / Accepted 11.04.2025